



## О ЧЕМ РАССКАЖЕТ ВОРОНЬЯ СЛОБОДА

**Нина Михайловна, давно ли появился соблазн менять названия?**

Первый московский пример - Арбат. Когда-то так называли весь нынешний Старый Арбат и Воздвиженку, от Смоленской площади до Троицких ворот. В 1658 году царь Алексей Михайлович распорядился назвать эту улицу Смоленской, потому что дорога шла на Смоленск. Через полвека решили, что название не соответствует центру города, и назвали улицу Воздвиженкой - по Крестовоздвиженскому монастырю, который стоял на месте входа в метро «Арбатская».

В 20-х годах прошлого века Воздвиженку переименовали в улицу Коминтерна, потому что на ней, у Троицких ворот, размещалось руководство Коминтерна - международной организации под руководством большевиков, озбоченных устройством мировой революции. Со временем эти идеи поуяли, Коминтерн распустили, а в 1946 году улицу переименовали, и она стала носить имя Калинина.

Потом появился Новый Арбат. Ирония названия в том, что были уничтожены старые арбатские переулки, и улица, по существу, стала могильным памятником этого района Москвы. По сталинскому генеральному плану реконструкции всю столицу было решено прорезать магистралями. Потом часть улицы снова назвали Воздвиженкой, оставив и Новый Арбат.

Что и кому давала эта чехарда с названиями? Появился Коминтерн - переименовали улицу, его не стало - опять надо менять название... Может быть, с самого начала стоило так называть улицу-новостройку как напоминание об одной из страниц нашей истории? Ведь что такое любое наименование в городе? Это отражение определенной исторической реалии, которая таким образом фиксируется в народной памяти.

**А о чем напоминает, к примеру, та же Воздвиженка? О монастыре, которого давно нет? И в чем тогда ценность этого названия?**

Да, давно уже нет ни Крестовоздвиженского монастыря, ни церкви, которую в XV веке построил боярин Ховрин (его имя носит один из московских микрорайонов). В результате междоусобиц Ховрин был ослеплен и, уйдя от мирской жизни, поселился в основанном им же монастыре. Во время очередного нашествия кочевников ряды защитников города дрогнули. Тогда слепой иннок потребовал, чтобы его облачили в доспехи, дали в руки меч и толкнули в сторону наступавших. А потом, по словам летописца, он с такой яростью врубил в ряды вражеской конницы, что полетели отрубленные головы, враги побежали, а москвичи преследовали их до самой Оки. Вот почему этот монастырь так запечатлелся в народной памяти.

Когда я иду по старому Парижу, меня вот что всегда поражает: вы можете спросить у любого дворника о каком-нибудь храме или особняке - и вам подробно о нем расскажут. Там старина стала частью сегодняшней жизни. А в Москве этого нет, не умеем мы сделать историю интересной. Вот, скажем, Сапожковская площадь у Троицких ворот. В любом справочнике прочтаете, что здесь был трактир «Под сапожком». Но еще задолго до трактира в этом месте построили храм Николая с сапожком. Дело в том, что на храмовой иконе святой Николай был изображен в одеянии, из-под которого выглядывал носок его сапожка. Именно в этом храме венчался граф Шереметев с Парашей Жемчуговой... Казалось бы, мелочь, но в действительности это такая житейская подробность, которая трогает.

«Не надо улиц переименовывать. Постройте новые и назовите», - призвал поэт соотечественников. Народу строчки запомнились, но на чиновников впечатления не произвели: ведь строители всегда работали медленнее, чем рождались новые герои и свершались дела, которые требовалось увековечить. Так появились многочисленные Комсомольские улицы и переулки, всевозможные Красноармейские, Красногвардейские и Краснобогатые... Нередко новое название оказывалось гораздо долговечнее, чем память о выдающемся землякине. В результате споры о столичных названиях продолжают уже не один десяток лет. Что же происходит с топонимией Москвы? На эту тему размышляет профессор Нина Михайловна МОЛЕВА, историк и искусствовед.



КОЛЛАЖ ЭДУАРДА ЛАТОВКА И АЛЕКСАНДРА ГАЛКОВА

**Если на окраине столицы до сих пор редкость такие названия, как Ленинский первый переулок, второй... и так до десятого, то в центре вновь появились Мясницкая и Остоженка, Дмитровка и Камергерский переулок... Что, процесс пошел?**

Пошел, но порой непонятно, куда именно. Начнем с Кремля. Вот мы говорим, что восстановили все прежние названия. Первое поселение в Москве было на Боровицком холме, который сегодня почему-то называют Кремлевским. Город рос, оборонялся, из столицы удельного княжества превращался в столицу государства, затем империи. И каждая из этих фаз находила отражение прежде всего в названиях. Бульварное кольцо, Садовое, Земляной вал - это все оборонительные сооружения. Бульварное кольцо возникло при Дмитрии Донском, когда тот еще мальчиком вступил на княжеский престол. Митрополит Алексей, один из московских святителей, посоветовал ему заменить сгоревший дубовый кремль каменным. Так возник первый Кремль Дмитрия Донского.

С юга наступали кочевники, и было решено сделать укрепление - Земляной вал - от берега Москвы-реки по нынешней линии Бульварного кольца. Затем на валу появились ворота - Арбатские, Пречистенские, Никитские... Сегодня от того укрепления осталось единственное место: на Гоголевском бульваре - крутой скат от четной стороны к нечетной. В 1922 году там поставили памятник Гоголю, и буль-

вар совершенно бессмысленно переименовали в Гоголевский... Памятники ставят и сносят, а названия хранят память города. И если в те времена нельзя было помнить о митрополите, то стоило бы вспомнить о князе, который строил столицу.

**Но как все-таки быть с некоторыми одиозными названиями советского периода? С одной стороны - история, с другой - она бывает и такой, что не хочется лишний раз о ней вспоминать.**

Я бы топонимию Москвы так просто не ломала. Избавляться надо лишь от названий идеологических названий, связанных с такими деятелями, как, например, Сулов, Дзержинский. Сейчас в Москве по непонятной причине остаются Комсомольский проспект и Комсомольская площадь, ни у кого аллергии не вызывают Ленинский проспект, проспект Андропова. А почему, собственно, Андропова? Он возглавлял КГБ и совсем недолго - страну.

Революционный пыл, который сохранился у властей до сих пор, требует немедленных, зримых перемен. Была в Москве Воскресенская площадь (по названию ворот Китай-города) - в 1918-м стала площадью Революции. Через год не стало «выдающегося государственного и партийного деятеля» - и Театральная площадь, названная так народом с открытием в 1820-х годах Большого и Малого театров, превратилась в площадь Свердлова. В 50-летие со дня смерти Герцена исчезла Большая Никитская, потом увековечили Дзержинско-

го... Столица представлялась отцам города поминальной книгой, куда щедро вписывались нужные властям имена и события.

Или вспомним историю с Хитровским переулком, который в 1935-м стал переулком Максима Горького на том основании, что дал писателю материал для пьесы «На дне». При этом забылось главное: здесь стоял усадебный дом, принадлежавший герою Отечественной войны 1812 года генерал-майору Хитрову. Он был женат на дочери Кутузова, которая продолжала здесь жить и после смерти мужа. Отсюда пошло название площади и переулка, который сегодня оказался... Певческим.

Никто же не возражает: пожалуйста, стройте новые улицы, площади, города и называйте, как хотите. Но нет: достойным именам нужны престижные места города, иначе-де «народ не поймет». Ни в одной столице мира вы не найдете постоянно действующей комиссии по переименованиям. Работала она в советские годы, продолжает работать и сейчас. Одно из последних решений (конечно, с подачи городского правительства) - переименовать Малую Коммунистическую улицу (бывшую Алексеевскую) в улицу Станиславского. При чем тут Станиславский? Там действительно были фабрики, принадлежавшие его семье. Но это имя вполне могли оставить Леонтьевскому переулку, тем более что великий театральный реформатор добрую половину жизни провел по адресу «Леонтьевский, 6», и улицей Станиславского она стала при его жизни. А вот название Алексеевской улицы связано со стоявшей здесь церковью Алексея Митрополита, сподвижника Дмитрия Донского, которая дала название Алексеевской слободе.

Как после этого говорить об уважении к истории?... Изменить ее невозможно, нравятся или нет уже написанные страницы - значения не имеет. Наш долг - знать и хранить то, что создано предками. Причем решать, кто из людей достоин того, чтобы его имя носила улица, должна не комиссия при городской власти, а сами горожане. Когда я выступаю с такими примерами по радио, то обрушивается шквал звонков, все возражают против конъюнктурных переименований - ведь власти и их вкусы меняются, а нам с этими названиями жить.

**Нередко бывает, что одна и та же улица за свою историю носила несколько названий. Восстанавливая «историческое», какое из них предпочесть?**

Это такая же проблема, как и с реставрацией зданий. Оно перестраивалось десятки раз, и вот мы его восстанавливаем - относительно чего?

С моей точки зрения, если есть желание вернуться к Москве до 1917 года, то и надо было восстановить названия в исторической части города - только в исторической - именно на эту дату. Так и делают во всем мире. Иначе получается непонятно что. Вот, например, бывший переулок Стопани у Мясницких ворот теперь называется Огородной слободой. Почему? Ведь до 1917-го это был Фокин переулок, а Огородной слободой его звали в XVI веке. А соседний переулок в те времена назывался Скотобойным, но его не восстанавливают: не звучит... То есть полный исторический разброд.

На площадь Ильича выходит Тулинская улица, бывшая Воронья слобода. Рядом был Андроньевский монастырь, и в окрестностях охотно селились вороны. А Тулин - псевдоним Ленина, и улицу переименовали еще в 1919-м, при жизни вождя. Теперь это улица Сергея Радонежского - видно, надо было как-то отреагировать к юбилею Куликовской битвы. Остались бы уж Воронья слобода...

Произвольные переименования преследуют определенные политические цели - мнение возвращение к царской России, призванное оправдать сегодняшние неблагоприятные дела. При этом никаких принципов обращения с историческими названиями у нас нет. Но ведь очень важно, что вы идете, к примеру, по Остоженке, а не по Метростроевской. А Метростроевской назвали бы другую улицу, в новом районе.

Если вспомнить российскую традицию, то характерно, что после Отечественной войны 1812 года в Москве ничего не переименовывали: в городе не появилось ни площади Победы, ни Кутузовского проспекта, ни чего-то подобного.

**И это не мешало увековечивать памятные имена и события?**

Ничуть. При этом инициатива шла в основном снизу, от народа. Напомню, что памятник Минину и Пожарскому поставило не правительство, а Вольное общество любителей наук и искусств, которое выдвинуло эту идею и боролось за нее многие годы. А ведь Минин и Пожарский, в конечном счете, способствовали утверждению династии Романовых. Каждый из дарителей был занесен в книгу, ее потом напечатали. Есть там и такие слова: «Крестьянка Фетинья из деревни Читинского уезда с малолетними сыновьями дала два гроша»...

Так же ставили и памятник Пушкину. Была подписка, затем три тура конкурса. Зато в Москве появлялись шедевры монументального искусства, а вот такие сооружения, как памятник Калинин, - нет, денег на них народ бы не дал. Кстате, скульптор Опекушин, выигравший конкурс на памятник Пушкину, получил деньги только на материал. А на то, что осталось после установки памятника, устроили его торжественное открытие и издали полное собрание сочинений поэта. До копейки отчитались!

**А как же Карамзин? Сетовал: воруют, мол...**

Это наверху воруют, там всегда крали. А памятник ставил народ.

Сначала Пушкин стоял лицом к женскому Страстному монастырю. Это был молодой монастырь, созданный при Алексее Михайловиче, когда в Москву была перенесена икона Божьей Матери Страстей Господних, символ мира, наступившего в Московском государстве. Именно отсюда раздался первый удар колокола, возвестивший о том, что наполеоновских солдат в Москве уже нет. После 1812 года у площади было два названия - площадь Тверских ворот и Страстная площадь, но все равно ни о каком переименовании речь не шла. А вот в 1924-м площадь стала Пушкинской. Потом с такой же легкостью памятник переставили с одной стороны улицы на другую.

**Что можно сказать о нынешней практике, связанной с московской топонимией? Есть ли стремление учиться на прошлых ошибках?**

Стремления такого, конечно, нет, и по-прежнему приходится бороться с каждой очередной глупостью.

Недавно я была на заседании комиссии по монументальному искусству. Рассматривали два вопроса: восстановление памятника Дзержинскому на Лубянке и восстановление памятника Скобелеву. Последний стоял когда-то на Скобелевской площади, напротив мзрии, на месте памятника Юрию Долгорукому. В свое время царский Генштаб назвал этого генерала Суворовым XIX века. Памятник соорудили в 1912 году на народные деньги, а площадь переименовали в Скобелевскую. Спустя несколько лет памятник уничтожили, площадь стала Советской, а затем - Тверской. С 2000 года идет борьба за его восстановление, создан Скобелевский комитет, который возглавляет космонавт Алексей Леонов. Власть выбрали для памятника Южное Бутово: мол, в городе нет больше свободных площадей. Я возразила: место есть, и оно ждет Скобелева. То самое, где стоял Дзержинский. В результате в центре столицы получится славянское полукольцо: памятники Кириллу и Мефодию, Героям Плевны (где командовал Скобелев), а также памятники Скобелеву и Ивану Федорову.

Предложение было принято, но, видимо, не всем пришлось по вкусу. Через несколько дней мне из комиссии позвонили: мол, нельзя ли отозвать мое предложение?..

**Ну и как? Можно?**

А с какой стати? Только потому, что чиновникам ближе Дзержинский, чем Скобелев? Народная память директивам не подчиняется. Поэтому решения следует сверять не со звонками, а с нашей историей. Ее надо не только знать, но и уважать.

**Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ**